

Институт философии РАН

Некоммерческий научный фонд
«Институт развития им. Г. П. Щедровицкого»

ФИЛОСОФИЯ РОССИИ
первой половины XX века

Николай
Александрович
Бердяев

Под редакцией В. Н. Поруса

СП

РОССПЭН
Москва
2013

УДК 14(082.1)
ББК 87.3(2)6
Н63

*Издание осуществлено при финансовой
поддержке Андрея Черкасенко*

Николай Александрович Бердяев / под ред. В. Н. Поруса. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. — 543 с.: ил. — (Философия России первой половины XX века).

ISBN 978-5-8243-1784-8

В книге представлены избранные работы о философском наследии Н. А. Бердяева (1874—1948), написанные за последние два десятилетия главным образом отечественными авторами. Рассмотрены важнейшие стороны творчества выдающегося русского мыслителя, не потерявшие актуальность и сегодня: его экзистенциальная философия личности и свободы, философия истории и культуры, эстетика и философия искусства, онтология и эсхатология. Книга адресована специалистам и всем читателям, интересующимся русской философией и культурой.

УДК 14(082.1)
ББК 87.3(2)6

ISBN 978-5-8243-1784-8

© Пружинин Б. И, общая редакция серии, 2013
© Порус В. Н., составление и общая редакция тома, 2013
© Коллектив авторов, 2013
© Институт философии РАН, 2013
© Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г. П. Шедровицкого», 2013
© Российская политическая энциклопедия, 2013

Вступительная статья

О современных исследованиях творчества Н. Бердяева

Пожалуй, не найдется другого русского мыслителя, которого можно поставить рядом с Н. А. Бердяевым по разноречивости его оценок — от превосходных (гениальный провидец, глашатай «нового религиозного сознания», лидер и организатор новых философских направлений в России, блистательный представитель русской мысли на Западе и т. п.) до уничижительных и насмешливых (донкихотствующий путаник, алогичный утопист и претенциозный фантазер, уводящий мысль от действительности к мистике). Так было при его жизни, так остается и теперь, когда после долгих лет замалчивания и клеветы наконец можно говорить о возвращении на родину «пленника свободы», изгнанного в 1922 г. большевистским правительством: почти все написанное Бердяевым так или иначе уже доступно нынешним российским читателям. Конечно, эта доступность запоздала на семь-восемь десятилетий (срок, достаточный если не для забвения, то для утраты злободневности), но и сегодня произведения Бердяева вызывают страсти и пристрастия, не менее острые, нежели в первой половине прошлого века. И это один из замечательных фактов истории философии — не только отечественной, но и мировой. Среди возможных его объяснений я выберу наиболее близкое мне: мысль Бердяева коснулась нервов евро-

пейской культуры так, что боль от этого касания не оступела, но усиливается со временем, и разноречия оценок — неоднозначная и пролонгированная реакция на эту боль.

В начале XXI в. это даже яснее, чем в середине прошлого. Бердяев пережил две революции в России и две мировые войны. Он принадлежал поколению, «гурьбой и гуртом» попавшему в «настоящий, не календарный» век, «окруживший огнем» и спаливший его лучшую часть. Расставшись с иллюзиями «прогрессизма» и не доверяя ходульному «историческому оптимизму» тех, кто, по выпретенному выражению А. В. Луначарского, брались за строительство «гранитных мостов в царство свободы и справедливости», ставя их опоры на костях миллионов людей, Бердяев сохранил верность идеалам свободы, творческой личности, богочеловечества. История, свидетелем и участником которой он был, показала и доказала лишь то, что действительность далека от этих идеалов и враждебна к ним. Но идеалы не опровергаются действительностью; напротив, они судят действительность и удерживают ее: часто — на самом краю бытия. Потому-то они должны оставаться идеалами или, иначе сказать, универсалиями культуры.

Однако идеалы все же не бессмертны. Они погибают не в столкновениях с враждебной им реальностью, а из-за того, что перестают быть самими собой — когда в них видят только прагматически оправданные инструменты приспособления к исторической жизни. Тогда не идеалы судят действительность, а наоборот, последняя подбирает «под себя» удобные и «конструктивные» идеалы. Культура становится сводом правил, которые соблюдаются или нарушаются в угоду доминирующим интересам и потребностям. Такая культура, в которой былые идеалы в лучшем случае становятся объектами снисходительной иронии, а в худшем — презрения и ненависти, легко превращается или, как говорил Бердяев, «ссыхается» в цивилизацию со всеми последствиями (среди которых «Закат Европы», диагностированный Шпенглером, — не самое удручающее; настоящий, не выдуманный философами закат культуры предвещает не «утреннюю зарю», пригрезившуюся Ницше, а ночь нового варварства, в которой освещающие ее огни иллюминации рано или поздно сменяются огнями всеохватных пожаров).

Н. А. Бердяев, кажется, почти физически ощущал приближение нашего времени (в каком-то смысле он наш современник более, чем своего поколения). Думаю, что это ощущение сильнее, чем критическое отношение к «исторической действи-

тельности» (лишенной подлинного смысла и чувства истории), влияло на его эсхатологическую мысль: если история неотвратно движется к закату, нет иного способа сохранить верность идеалам, как поместив их по ту сторону ее границ. Но заглянуть по ту сторону исторической действительности нельзя без религии, а если историческое христианство под давлением сиюбытности готово изменить этим идеалам, по сути оставив от них только формальные оболочки (симулякры), то его, полагал Бердяев, следует реформировать, восстанавливая смысл истинной Христовой веры.

Не более, но и не менее. Понятно, что провозгласивший подобное должен быть атакован и атеистами, и верующими, что обрекает его на одиночество и на духовные терзания, с трудом утишаемые усилиями мысли. Да и сама мысль отбрасывает рациональные — и потому стеснительные — одеяния, мечется между крайностями, объединяя их в антиномии, которые то и дело смешивает с обычными логическими противоречиями, прибегает к суггестиям, к воздействию на сердца скорее, чем на умы. Таков Бердяев-мыслитель — и не этим ли объясняется разноречивость оценок его идей вплоть до наших дней?

То, что он хотел сказать, нельзя было сказать иначе. Его мысль не могла бы жить в иных формах. Сбивчивая, отрывистая, нервная речь, не снисходящая до спора со строгими придирками. Мысль-жест, мысль-возглас, мысль-чувство — ими наполнены даже те страницы его сочинений, где он выступает участником утонченных интеллектуальных дискуссий. Конечно, это вызывало и вызывает не только сочувствие и согласие, но и раздражение, готовность к непониманию, что еще усугублялось резкостью, даже аристократической заносчивостью (этой личной мыслитель часто прикрывался от нападок взбудораженных им оппонентов); что и сказать, популярность Н. А. Бердяева часто имела скандальный характер. Но он и не стремился избежать этой участи.

Говорят, что его популярность на Западе имела иной характер, нежели в России. Там он был полномочным представителем русской философской и богословской мысли, здесь — часто выглядел невнятным эпигоном, путающим мистику с интуицией, рациональное философствование с богословием. Если так, то к этому надо отнестись серьезно, не ограничиваясь меланхолическим «нет пророка в своем отечестве». Конечно, правы те, кто обращает внимание на его дворянское воспитание и образование, знание языков и традиций — что служило ему на

Западе пропуском в среду интеллектуалов. Но дело совсем не только в этом.

Н. А. Бердяев был «русским европейцем». (Тем, кому это кажется оксюмороном, вероятно, хотелось бы расчленить такое словосочетание на несовместимые части. В наши дни таких «расчленителей», Бог им судья, едва ли не больше, чем среди современников Бердяева.) Идеалы, которым он служил всю свою жизнь и которые с излишней легкостью называли и называют «утопиями», — свобода личности как основа отношений между людьми и общественными структурами, творчество, определяющее содержание антропоцентричной эпохи, гуманизм, освещенный и освященный богочеловечеством, целостность и гармоничность системы межчеловеческих и межнациональных отношений, — это центральные, важнейшие идеи христианской культуры, объединяющей европейский Запад и европейский же Восток, а с известного времени и значительную часть населения Земли на всех ее континентах. Так сложилась история, что народы Западной Европы прошли более долгий (извилистый, противоречивый, оплаченный страданиями и жизнью десятков миллионов людей) путь к тому, чтобы эти идеи, наконец, могли стать духовными ориентирами людей и хотя бы частично воплощаться в социальной действительности (посредством цивилизации). Бердяев, как и многие другие русские мыслители, был убежден в том, что России нельзя уклониться от своего участия в этом движении. У нее есть возможность критически оценивать путь Европы, не впадая ни в ученическое подражание, ни в спесивую враждебность. Более того, ей выпал уникальный шанс заглянуть дальше, чем удалось европейцам, в историческую перспективу этого пути. И нельзя упустить этот шанс, ведь он может быть спасительным не только для России, но и для всего мира. Не ложный мессианизм националистического (в особо извращенной форме — нацистского) агрессивного самозванства, а осознание великой миссии сохранения и творческого развития европейских культурных ценностей, как залог будущего, сейчас поставленного под сомнение опасными тенденциями настоящего. Эта идея — стержень «европеизма» русского мыслителя Н. А. Бердяева. И его имя — среди тех, кто сделал самый заметный вклад в единство европейского духа.

* # #

В этой книге собраны работы о Н. Бердяеве последних двух десятилетий. Главным образом это отечественные исследова-

ния. К сожалению, переводы работ зарубежных авторов, пишущих о самом известном — по общему признанию — из русских мыслителей первой половины XX в., стали редкостью в нашей философской литературе. Возможно, тому есть и не такая уж плохая причина: современная российская публика, сохранившая интерес к философии (не говоря о специалистах), стала больше и лучше читать на иностранных языках, а доступ к соответствующим изданиям сегодня благодаря, например Интернету и не только ему, стал несравненно более легким, чем два-три десятилетия назад. Все же, я думаю, проблема остается. Ведь переводы выполняют не только ознакомительную — информативную функцию. Они обогащают русский философский словарь, открывают возможность прямого творческого контакта, создают напряжение взаимной критики и, что немало важно, стимулируют и зарубежных издателей публиковать переводы русскоязычных работ, среди которых, как я надеюсь, читатель этой книги найдет отличные образцы. Возможно, в будущем положение изменится к лучшему.

Даже по этой книге, не претендующей на полноту, читатель получит представление об изменениях исследовательских интересов. Пару десятилетий назад, когда работы Бердяева еще только возвращались на родину (а не пробирались на нее нелегальными или окольными тропами, как раньше), главное было — оперативно отреагировать на это возвращение позитивными или критическими откликами, помочь читателю в их понимании, включить их в нормальный научный обиход, например в учебные программы, а то и подверстать под те или иные, впервые за долгие годы открыто схватившиеся в острой борьбе, идейные течения в нашей стране. Ведь эти работы сразу же по возвращении попали в кипящий водоворот исторических событий, за которыми тогда не попевала критическая, в том числе и философская, рефлексия. Мы с некоторой оторопью констатировали, что многое из происходящего на наших глазах было задолго предсказано мыслителями так называемого «русского религиозного ренессанса» (об этом термине — интересная статья А. А. Ермичева, вновь публикуемая в этой книге), которые оказались точнее в своих исторических и культурных прогнозах, чем философы-марксисты, в нашей стране монополизировавшие сферу исторического и культурного анализа. Поэтому и тексты Бердяева сразу же получили не вполне свойственную им смысловую нагрузку: их сближали то с библейскими пророчествами, то с «ветологическими штудиями», восторгались их способностью

«прорывать громаду лет» и оказываться всегда злободневными, либо — с известной ухмылкой — отмечали их непоследовательность, темноту и двусмысленность. Но и опоздав на встречу с читателями России на столько лет (и каких лет!), Бердяев действительно вновь посетил наш мир «в его минуты роковые» как собеседник и соучастник. И внимание, обращенное к нему в те годы, не могло не быть пристрастным, оценочным, если угодно, партийным. Отсюда — явное преобладание очеркового, отчасти публицистического стиля исследований его работ.

Сегодня, когда первый запал и оторопь прошли, эти исследования постепенно становятся более академичными (как это ни контрастирует с отнюдь не академическим стилем философов Бердяева). Во-первых, всерьез разворачиваются историко-философские исследования, связанные в том числе и с детальным анализом «архива эпохи» (по выражению Т. Г. Щедриной). Бердяевская философия предстает как часть напряженного диалога, идейного и культурного критического взаимодействия, которым жила русская философия в контексте мировой мысли (не только философской, но научной, богословской, художественно-эстетической, политической, исторической, экономической и культурологической) в те годы, когда это было возможно в нашей стране, и который продолжался и в эмиграции. В «археологии и палеонтологии» философского знания — надежда на то, что мыслительный процесс, в котором Бердяев был одной из заметнейших фигур, будет раскрыт во всей полноте и конкретности. К этому направлены и исследования связей бердяевской философии с идеями зарубежных мыслителей, которые придают историко-философскому исследованию международный статус.

Во-вторых, постепенно разворачивается работа по «онаучиванию» публикаций текстов Бердяева на русском языке, в том числе тех из них, которые были переведены на русский с иностранных языков. Здесь — непечатый край. Сказать хотя бы, что нет современного (сколько-нибудь полного) русскоязычного собрания сочинений Бердяева (как и многих других замечательных русских философов его времени) и не видно реальных попыток осуществления такого проекта.

Тем более заслуживает доброго слова энтузиазм тех, кто по мере сил участвует в его подготовке. Только бы их усилия не были напрасными, только бы не опоздать, не задержать научное исследование творчества Бердяева еще на столько-то десятилетий...

В-третьих, изучение бердяевского наследия постепенно освобождается от полемической запальчивости, идеологической ангажированности. Это не значит, что на него пора наводить «хрестоматийный глянец» и взирать на труды Бердяева как на экспонаты историко-культурной кунсткамеры. Так, скорее всего, никогда не будет. Слишком противится этому дух бердяевских сочинений, тот самый бунтарский дух, который и создал им неповторимую репутацию. Но, возможно, уже настало время «собирать камни», трезво и точно определить роль и место Бердяева в русской и мировой культуре, не принижая их снисходительными оценками или, того хуже, приторным славословием.

В-четвертых, благодаря этим исследованиям все яснее, что Бердяев и по сей день остается великим диагностом культурного кризиса, охватившего Европу и весь мир. Перед нынешними поколениями стоит выбор, от которого им нельзя уйти: признать последствия этого кризиса необратимыми и согласиться жить с ними так, будто иного пути у человечества нет (иногда такое согласие называют новой «пост-культурной» действительностью) — или, осознавая его как величайшую опасность, напрячь силы, чтобы это сознание претворилось в противодействие. То «страшное» наступление цивилизованного варварства на «дряхлающую культуру», которое констатировал Бердяев в свое время, в наше время оборачивается уже подступающим крахом цивилизации. Может ли быть иначе, если из цивилизации уходит ее душа — культурные идеалы, а остается только формальная структура, видимая прочность которой не должна вводить в заблуждение: она обрушится, как только силы распада преобладают инерции устойчивости (как обрушиваются брошенные людьми дома).

Бердяев был критиком культуры и одновременно ее защитником. В наше время на первый план выходит защита культуры — слишком грозны опасности, чтобы позволить себе расслабленную роскошь отвлеченных рассуждений о ее недостатках и внутренних противоречиях (хотя о них никогда не следует забывать). И в этом отношении внимательное «контекстуальное» прочтение бердяевских текстов может дать важные предупреждения и уроки нынешним интеллектуалам, увлеченным поисками своей новой «пост-культурной» идентичности. Как бы им не стать «духами культурной контрреволюции», возможно, против собственного желания аккумулирующими и освобождающими энергию разрушения, уничтожающую единствен-

ный мост, связывающий человеческую экзистенцию с идеалом свободы.

Современные исследования бердяевского наследия имеют ясную тенденцию к междисциплинарное^{TM}. Собственно философский анализ необходимо пересекается с филологическим, без психосемантического подхода трудно уловить признаваемую всеми суггестивность его текстов в сети научного объяснения, исторические исследования обеспечивают глубину контекстуальности, искусствоведение способно оживить и актуализировать проблемный взгляд на эстетические идеи мыслителя. Особо надо отметить диалог философии и современного богословия, вне которого понимание духовных поисков Бердяева невозможно. Диалог пока спорадичен, а жаль, ибо мог бы серьезно обогатить обе стороны. Можно надеяться, что широта и глубина этой междисциплинарности будут нарастать, и обсуждение идей мыслителя выйдет за рамки цеховых предпочтений.

Настоящая книга — шаг на этом пути. Уверен, за ним будут и следующие. Мы в неоплатном долгу перед замечательным русским мыслителем, но всякий долг платежом красен.

В. Н. Порус

Сведения об авторах

Бычков Виктор Васильевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва).

Визгин Виктор Павлович — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН (Москва), действительный член Нью-Йоркской академии наук (США).

Волкогонова Ольга Дмитриевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки факультета философии МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва).

Гайдено Пиама Павловна — академик РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва).

Гальцева Рената Александровна — доктор философских наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва), действительный член Нью-Йоркской академии наук (США).

Даренский Виталий Юрьевич — доктор философских наук, доцент Луганского государственного университета внутренних дел им. Э. Дидоренко (Луганск, Украина).

Джордж Пэтгисон (George Pattison) — профессор богословия Оксфордского университета (Великобритания).

Евлампиев Игорь Иванович — доктор философских наук, профессор кафедры истории философии философского факультета С.-Петербургского государственного университета (Санкт - Петербург).

Ермичев Александр Александрович — доктор философских наук, профессор Русской Христианской Гуманитарной академии (Санкт-Петербург).

Карпенко Елена Константиновна — кандидат философских наук, доцент факультета философии (отделение культурологии) Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики (Москва).

Мелих Юлия Борисовна — доктор философских наук, профессор философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва).

Миненков Григорий Яковлевич — кандидат философских наук, декан бакалаврской школы Европейского Гуманитарного Университета, профессор академического департамента философии (Минск, Республика Беларусь).

Мотрошилова Нэлли Васильевна — доктор философских наук, профессор, заведующая отделом историко-философских исследований Института философии РАН (Москва).

Мысливченко Александр Григорьевич — доктор философских наук, старший научный сотрудник-консультант Института философии РАН (Москва).

Порус Владимир Натанович — доктор философских наук, ординарный профессор, заведующий кафедрой логики, онтологии и теории познания факультета философии Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики (Москва).

Пружинин Борис Исаевич — доктор философских наук, главный редактор журнала «Вопросы философии» (Москва).

Сербиненко Вячеслав Владимирович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной философии Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

Стародубцева Лидия Владимировна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой медиакоммуникаций факультета социологии Харьковского национального уни-

верситета им. В. Н. Каразина, профессор кафедры культурологии факультета культурологии Харьковской государственной академии культуры (Украина).

Щедрина Татьяна Геннадьевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета (Москва).